

БОРИС ГЕОРГИЕВ

СНЫ ПАТІОНІС

Борис Георгиев Маркшейдер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38571216

ISBN 9785449353672

Аннотация

«Всё это когда-то было, поэтому казалось былью, а существа в стеклянной банке метровагона, того не замечая, точно и не были никогда. Быль – небыль... Какая разница, главное, чтобы верили. А во что они верят?» О сказке, сделавшейся былью, читайте в повести Бориса Георгиева «Маркшейдер»... Что за имя неуклюжее?! Или это должность? «Это очень важная работа – указывать направление, ведь если маркшейдер хотя бы чуть-чуть ошибётся...»

Содержание

Вместо пролога	5
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	35
Выдержка	42
Глава 4	45
Глава 5	57
Глава 6	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Маркшейдер

Борис Георгиев

Иллюстратор Борис Гончарук

Дизайнер обложки Борис Гончарук

© Борис Георгиев, 2018

© Борис Гончарук, иллюстрации, 2018

© Борис Гончарук, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-5367-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо пролога

Жара, нараспашку окна, тени гардин лениво ползают по скатерти – белой в красную клетку. На столе глиняная миска, в ней малина – горкой, сахаром посыпана сверху. Малиновая гора под снежную шапкой. Оса, переползая с ягоды на ягоду, восходит к линии снегов, прогнать её лень, а ей, похоже, лень улетать. Вот бы мама прогнала, тогда бы я взял ягоду-другую, но мама читает. На плитке пофыркивает паром кастрюля, постукивает крышкой. Пахнет чесноком, томатом, балонным газом. В такую жару варить борщ! Лучше бы крошечку, а ещё лучше...

Мама перевернула страницу. У соседей брэнчала гитара, какой-то дядька гнусаво пел: «Марк Шнейдер был маркшейдер, тогда была зима».

...а ещё лучше мороженое.

– Ма! – позвал я.

Она не сразу ответила, дядька спеть успел: «И Сима в эту зиму пришла к нему сама», – а я позвал громче:

– Ма! – потому что боялся забыть слово, как в прошлый раз, когда его услышал. – Мама, а кто это такой?

Мама закрыла книгу – не совсем, заложила пальцем, –глянула на меня. Она очень красивая.

– Мам, а кто такой марк-шей-дер? Маркшейдер.

Ну что за слово, а? Еле выговорил. Марк-шейдер. Начи-

нается с моего имени, потому и спросил. И ещё потому, что хватит читать.

– Горный инженер, – ответила мама. – Вот представь, тебе надо проложить тоннель отсюда и в город.

– Домой?

– Например, домой. Но должен же кто-то...

– Как метро?

– Да, точно как метро. Но должен же...

– Папа говорил, что есть такие специальные машины, которые про-кла-ды... роют тоннели.

– Это правда. Но кто укажет машине направление? Кто покажет, куда копать? Для того и нужен маркшейдер. Это очень важная работа – указывать направление, ведь если маркшейдер хотя бы чуть-чуть ошибётся, машина проложит тоннель совсем не туда, куда тебе нужно.

– А если я не знаю, куда мне нужно?

Мама не успела ответить; кастрюля зверски затарахтела крышкой, стала шипеть, плевать и залила огонь.

Часть 1

Глава 1

Попутчиков Марк разглядывал украдкой, дикий пейзаж за окнами метровагона старался не замечать. Безразличие – лучшая маска для того, кто играет в кошки-мышки с Элмэром. «Да не помянут буду я в твоих молитвах, Элмэр! Марк нырнул во мрак, заклеив морду покерфейсом».

Люди-куклы сидели, стояли прислонясь, висели на поручнях, как летучие мыши, и – почему они похожи на манекенов? – смотрели сквозь. Не было им никакого дела до того, что снаружи, за стеклянными стенами щерилась обломками редких гнилых зубов каменистая равнина, рассечённая грядой гор. Ключья дыма несло над крышей – оттуда, где за скалами полыхал закат. Сто вагонов в поезде, на закат летим, на сто миль разносится паровозный дым. Всё это когда-то было, поэтому казалось былью, а существа в стеклянной банке метровагона, того не замечая, точно и не были никогда. Быль – небыль... Какая разница, главное, чтобы верили. А во что они верят? Во что верю я? Боже, о чём я думаю?! О чём угодно можно, только не о... Стоп. Элмэр следит. У него чутьё, как у крысы. На человеческую мимику. Не у крысы, у кошки. Крысам незачем, а вот кошки разбира-

ются в нас лучше, чем мы сами. Они к нам приспособились, а не мы к ним. Точно как Элмэр. Он в роли кошки, а мышь... О чём думают мыши?

«Как всё переменялось! – думал Марк – Не сто вагонов, даже не десять, всего-то один. Но какой! Метровижн, так это называется. Тут вижн и там вижн, всюдувижн. Интересно, связана ли Ратионис со всей этой видимостью? Полгода меня там мариновали, а кажется, прошло лет десять. Борода отросла бы до пояса, если не стричь. Марк надменно выдвинул подбородок, огладил аккуратную бородёнку. «Хороший жест, зафиксируй. Теперь на соседей слева глянуть можно, искоса. Как верблюд на погонщика. Верблюда видел? Его играй, у тебя получится. Упрямый тугодум, скотина жвачная».

Марк искоса взглянул на тех двоих, что слева. Ближний – полупальто из шерсти альпаки, брюки с безукоризненной стрелкой, галстук набок, – крючковатым пальцем растягивал жёсткий ворот рубашки, ворочая складчатой шеей; морщился при этом, как от изжоги. Серые мешочки под глазами, в которых собачья тоска; кудлатый, какой-то собаководный, на собеседника не смотрел, ворчал: «Да-да, мне уже доложили. Опять рептилоиды, не иначе. Без них мы никак». Дальний – круглоголовый крепыш, с ног до головы во всём лыжном: штаны, куртка, – всё красное, даже вязаная шапочка, а поверх неё очки-хамелеоны – к уху собеседника приблизив губы, театрально шипел: «Не веришь? А у меня сегодня в ленте... А?.. Ну, что?! – при этом круглые глаза его

ворочались точь-в-точь как у хамелеона, а щёки в яркости расцветки соперничали с одеждой, – Чего тебе ещё?! Ссыль, видео. Развалины...» – он снова перешёл на шёпот.

«Жаль, не разобрать, – подумал Марк, – Странно, что вообще слышно. В старом вагоне им пришлось бы орать, и всё равно...»

– Ну, и куда же тогда подевались трупы? – спросил Собаковидный, глядя в потолок.

– Чш-ш! – зашипел на него Хамелеон, и снова стал нашёптывать в ухо, как в микрофон.

Марк смог разобрать только «четыре часа» и «собрать шмотки». «Не четыре, вероятно, а двадцать четыре, – прикидывал он, – Они что-то знают. Откуда? Знают двое – знает свинья. Они думали, можно начать тайно. Ничего тайного теперь нет, всё плавает на поверхности. Они? Кто же такие эти «они»? Дерьмо непотопляемое, собачье.

– И кто же это сделал? – громко спросил Собаковидный, так будто бы виновник мог услышать.

– Чш-ш! – выпученные хамелеоньи зенки провернулись в орбитах, как пластиковые шарики – Говорю тебе...

Марк заставил себя отвернуться. Скалы неслись навстречу, дым повалил гуще. В отдалении мелькнули какие-то бревенчатые халупы, шип колоколенки, гигантская бочка, рядом странная конструкция – что-то среднее между «чёртовым колесом» и ветряной мельницей, и вдруг всё это пропало, точно вагон накрыли огромной шляпой.

«Тоннель, – понял Марк, щурясь на вспышки ламп. – Видео или настоящий?» Ему почудился запах гари. «Быть не может. Я всё это уже видел. Сон. Неужели... Нет. Я бы знал. Ей пока не под силу сделать так, чтобы я не заметил. Обыкновенный тоннель, кишка земляная. Он-то не поменялся. Просто скоро станция. Утроба. Не трясись, Марк, микроботы твоей утробы временно в обмороке – как игрушечные уточки в крови плавают. Умная хворь, дурная кровь. Сколько осталось времени?»

По стеклянным стенкам метровагона ползли гигантские буквы: «Humphrey Bogart street = 17:34 = улица Хэмфри Богарта»

«Двадцать семь минут осталось. Богарта – бывшая Научная. Успеваю. Мне на следующей. Откуда же всё-таки они знают?» Марку захотелось тут же взять Хамелеона за красный шарфик, прижать к стенке, потряхнуть как следует, чтобы язык прикусил, задать вопрос...

– Девушка, вы на Богарта выходите? – спросил Хамелеон у девчушки лет двадцати, висевшей на поручне. Фигуристая, вся хромом обтянута туго, на голове гермошапка с наушниками.

Ничего она ему не ответила. Собаковидный поднялся, а следом за ним и Хамелеон, оба стали тискаться в обход блестящей девушки к зелёному световому ободу двери. Марк встал – машинально. Не следовало этого делать! Всюду камеры, над дверью есть точно. Элмэр взял на заметку, если

теперь же вернуться на место, заподозрит. Немотивированное действие. А встать, когда полно свободных мест – это чем мотивировано? Народу много вышло. Мотив! Срочно! Иначе придётся высаживаться.

Оказавшись с хромовой девушкой лицом к лицу, Марк заметил: «Ларингофоны у неё, наушники. Потому вопроса и не слышала. Зрачки...» Радужные полукружия и кольца в её глазах шевельнулись, покрылись радиальной сеткой. Точки зрачков дёрнулись в сторону, вернулись.

«Эйч Ви, – понял Марк. – Визионерка. Повезло». Как бы в подтверждение девушка, свободной рукой начертила в воздухе хорошо известный Марку знак, затем ещё один. «Эйч Ви стандарт, управление жестами. Она в коконе. Вскрыть? В любом случае, неплохой фейк для Элмэра».

Вагон качнуло, прозрачная стенка лопнула по зелёному ободу, в салон внесло станционный гомон, трель трансляции, слащавый дикторский голос: «...иней линии». В метровагон встречного направления грузились пассажиры, желающие уехать к центру старого города – туда, откуда бежал Марк. «Только для посвящённых», – подумал он, и вскрыл девичий кокон универсальным жестом техника службы безопасности. Радужные полукружия гипервижн померкли, зрачки визионерки расширились. Она пригнула голову; щурилась, как делает человек, шагнув из ярко освещённой комнаты в полумрак.

– Хай, бэйба! – приветствовал её Марк.

– Ха... Ты ещё кто тут у меня?! Я тебя не заказывала!

«Кокон цел, меня внутрь пустили. Ей поверх меня HUD показывают. Отлично».

– Та-дам! – спел Марк – Сюрприз! Я к вашим услугам!

«Знать бы как её звать».

Вагон снова качнуло, Марк ухватился за поручень. По стенке проплыла надпись: «Next station = Eight and Half = 17:41 = следующая станция = Восемь-с-Половиной»

– Ты бот? – наклонив голову, спросила хромовая девушка. – Я с ботами не разговариваю. Ещё прицепишься к профилю.

– А сейчас ты что делаешь?

– В смысле?

– В смысле, всё-таки разговариваешь. Я бот, да не тот. А профиль у тебя рулезный, – соврал Марк, хоть в профиль хромовую девушку ещё не видел.

Ей понравилось.

– Да-а? – протянула она. – А мне девки вчера ночью вешали, что зря я эту хрень примастачила. Особенно щётка одна старая изгалялась: «Алисия, – пишет мне, – это же надо быть лишённой элементарного художественного вкуса, чтобы вывесить наружу такую хрень».

– Это она из зависти, Алисия.

– Я так и поняла. Промежду прочим, не люблю, когда меня так называют.

– Элис лучше?

– Покатит.

– Так и запишем.

– А тебя как внести, ботик?

Посветлело. За стёклами Марк увидел средиземноморский берег, маньеристское палаццо на самом носу мыса. На склонах холмов город зажигал вечерние огни, их отражения плавилась в чёрной воде залива. Росшие вдоль шоссе веерные пальмы, похожие на тощих похмельных пьяниц, встряхивали нечёсанными головами. «Имя она спросила. Ждёт ответа».

– Федерико, – ответил Марк. Первое, что пришло в голову, и только после уразумел, почему выбрал именно это. Не прошли даром лекции Ричарда.

– Фе-де, – по слогам выговаривала Алисия, длинные пальцы её исполняли перед лицом Марка замысловатый танец. – Что-то знакомое. Ри-ко... А, нет. Туплю. Э! Ты чего у меня не бьёшься?!

«Ещё бы».

– Я внесистемный.

– Индюками сделанный? Ладно, шучу. Заведу тебя как друга.

– Четвероногого?

Она смеялась. «Приятно смотреть, как смеётся – совсем ребёнок. Ей идёт, а серьёзность противопоказана».

– Ты прикольный, – отсмеявшись, заявила Алисия. – Слуш, а чего мне вместо тебя совали название станции? Эйтэн-

дхалф. Я как раз думала на этой выйти. Или на следующей? Оттуда ближе, зато тут ботсад, ёлки, все дела.

«Повезло. Как-то даже слишком. Высажусь под прикрытием. Почему гипервижн ей вместо меня подсунул название улицы? Что-то надо ответить».

– Это потому что мне сейчас выходить.

– Тебе?! Ты же... Тебя же нету. А, я поняла. Прикольно. Ты мне нравишься. Будешь теперь за меня выбирать. Терпеть не могу, когда надо выбрать, а не получается. Ненавижу. Только ты не подумай, я не хейтерша. Я люблю...

Она стала рассказывать, что любит и чего не выносит на дух, Марк тем временем думал: «Она выбирала сейчас или на следующей. Про ботсад сказала. Прогуляться хотела по Восемь-с-Половиной от перекрёстка и до... Как потом от неё отделаться? По дороге что-нибудь придумаю. Опять тоннель».

– Нам пора, – напомнил Марк.

– Куда? А! Чуть не проехали. Пипец, как я туплю сегодня, даром что выпалась.

«Eight and Half = 17:44 = Восемь с Половиной», – прочёл на стене Марк, направляясь следом за Алисией к выходу. С некоторым опозданием отметил про себя, что вагон пустоват, хотя казалось бы в час пик народу должно быть... «Битком набивались раньше. Непривычно, странно. Может, и ничего странного, что я знаю о новом расписании? Если идут один за другим. Семнадцать сорок четыре. Уже сорок

пять. Шестнадцать минут. Минуты через три на поверхности. Куда успеем дойти за тринадцать минут?»

Выйдя на платформу, Алисия оглянулась и, удостоверившись, что бот не потерялся при высадке, двинулась к эскалатору. Шла как по подиуму, левую руку держала чуть в сторону, неся виртуальный поводок ручного дрессированного Марка. «Вряд ли для меня старается, всегда так ходит. Вид у нас двоих дурацкий. Как хорошо, что никому, кроме Элмэра, теперь никакого дела нет до чьего-то там вида. Будь я даже в ошейнике, на четвереньках и совершенно гол. Таким шагом мы за пятнадцать минут далеко не уйдём. Жаль, нельзя взять её под руку. Наружу выберемся – пойдёт веселей. О чём она?»

Эскалатор возносил Алисию нагора. Полуобернувшись, она делилась впечатлениями:

– ... скукота. Смотреть нечего, «Хризалиды» испортились. Тухлятина! Прошлый сезон был не айс, а новый вообще. Ты их смотришь? Нет? И правильно, и не смотри. Опять воскресили Мишеля – это ладно, он хоть и по жизни дурак, зато не тоскливый, с юморком, но им показалось мало, они ещё и Рейчел из нафталина вытащили, эту страдалицу. Хороша парочка!

«Хризалиды, хризалиды... Не помню. Сериал какой-то. К чёрту сериалы. Если Элмэр меня засёк, из метро не выпустит. Возле турникетов прямо и возьмут – копы или штатские. Плохо, если копы, совсем никуда, если штатские. Бу-

дут штатские – значит, не получилось втереть очки Ратионис. Расслабься. На девочку смотри, а не в камеру».

Эскалатор перешёл в горизонталь, Марк вздохнул свободнее, – никого возле турникетов, пусто; почему так пусто на станции? – догнал Алисию, прошёл одновременно с нею через строй зеленоглазых турникетов – беспрепятственно. Теперь можно было и о хризалидах подумать, надо же о чём-то разговаривать.

– ... смехота будет, если эти двое всё-таки доберутся до Силандии. Кстати, где это?

– Силандия? – с фальшивым равнодушием переспросил Марк. – В первый раз слышу.

Показное равнодушие далось с трудом. Не бывает таких случайностей.

– Они что, придумали эту Силандию? Я искала. По названию выпадает морская платформа размером с футбольное поле.

Придержав перед спутницей стеклянную дверь, Марк обругал себя за очередной промах. Хорошо, девочка не заметила, привыкла, как видно, к предупредительности окружающей среды. Сменить тему разговора он не успел, был схвачен за руку. Увалень какой-то в униформе дорожника, едва переводя дух, прямо в лицо гаркнул:

– Вы куда, придурки?! Жить надоело?!

Был расхристан, красен, потен и одышлив. Марк насилу высвободился, Алисия не обратила внимания, точно ничего

не случилось. Толстяк проорал, схватившись за ручку стеклянной двери:

– С ума сошли?! В центр! В центр, пока ещё не...

Алисия оглянулась с большим удивлением, но не на истеричного увальня, а на собеседника. В чём дело, чего отстал? Увалень, махнув рукой, кинулся в метро слоновьей побежкой, с неожиданной прытью перемахнул через турникет и пропал из виду. Марк пожал плечами, нагнал спутницу. Упоминание о Силандии куда сильнее беспокоило его, чем вопли паникёра. «Если те двое в метро что-то узнали заранее, этот псих тоже мог. Дифференциация реакций, полный спектр: от здорового скепсиса до истерики. Алисия ничего не заметила, потому что в коконе. Куколка. Вспомнил! Хризалиды – это куколки. Сериал, значит. Силандия... Кому пришлось в голову сделать из этого мыльную оперу?»

– Ты не ответил, – напомнила Алисия, когда выбрались из метро. – Что ещё за Силандия?

Марк, оглядывая перекрёсток, – малолюден, освещён витринами, снегом припорошен, – сказал:

– Они имели в виду Новую Зеландию.

– Её переименовали, что ли? Как эту кафешку?

На огненной вывеске «Marcello», а раньше было «Pizza Forte».

«Как всегда, никаких перемен, кроме вывески», – подумал Марк, а вслух сказал с досадой:

– Глупо.

– И мне старое название больше нравится. Что это ещё за такое марцелло?

– Марцелло, – поправил рассеянно Марк, прислушиваясь. «Полицейская сирена. Почудилось?» – Был такой актёр. Слушай, давай-ка перейдём на ту сторону.

«Нет, не померещилась сирена».

– Зачем?

– Там снег, а здесь слякоть одна.

На тротуаре грязное месиво, взбитое сотнями ног, как будто сразу после снегопада промчалось стадо. «Так и было, – думал Марк, когда шли через дорогу. – Снег выпал два часа назад, после офисные сидельцы домой ломанулись, просто почему-то раньше обычного».

– Любишь снег? – спросила Алисия.

«Не померещилась сирена, вон они, – отметил Марк, проводив шесть полицейских мигалок взглядом. – Целый кортеж. Вряд ли по мою душу, на меня хватило бы и одного экипажа. Интересно, что это за новая мода – стаями кататься под сиреной. Свободна же улица. Они тоже к центру. Все к центру, один я, как всегда, против шерсти. Не один, двое нас. И вдвоём по тропе...»

Тропа взбиралась на холм вдоль ограды старого ботанического сада, за которой сахарные головы кустов, отягощённые снегом сосновые лапы и частокол елей. Между тропой и дорогой – плотный тисовый строй. «По ту сторону спальный район, освещённые окна, грязная каша на тротуаре, а здесь

тишь, снежная целина. Девчонка посматривает, ждёт ответа. Спросила, люблю ли я снег».

– Чистый снег люблю, – ответил Марк.

– Я тоже. Люблю оставлять следы. Слу-уш!.. А чего после тебя тоже остаются? Ты же бот.

– Я супербот. Тень отбрасываю, следы оставляю.

«Только бы не схватила за руку. Хотя... пусть. Здесь нет камер. Если верить Дэну, Ейч Ви пока не стучит Элмэру. Для Элмера мы двое молодых идиотов, затеявших бесцельную прогулку сразу после знакомства. Для гипервижн я пикапер – наглый, но безобидный, к тому же нравлюсь клиентке, а это главное. Для Ратонис меня вообще здесь нет. Сколько прошло времени? Если прямо сейчас кончится блокада, девчонка перепугается и сдуру вызовет копов. Надо бы...»

– Э! Эй! Ты где?

«Смотрит сквозь. Поздно спохватился. Что теперь делать?»

– Чё за хрень?! – возмушалась Алисия, чуть не в лицо Марку тыча указательным пальцем. – Как тебя? Фе-де-ри-ко.

Марк отступил на шаг – осторожно, чтобы не скрипнул снег. Как будто она могла слышать. Нашарил в кармане стик с таблетками, выхватил, не глядя снял верхнюю из столбика, проглотил, поморщился от горечи. «Что будет? Эйч Ви выбросила меня из кокона, как только очнулись микроботы. Если стукнет Элмэру... Бежать? Дэн говорил, минут пять не будет двойника в системе. А что будет? Там – болванчик,

здесь – помеха или сбой при входе».

– А, вот ты где! – обрадовалась Алисия. – Ботик, промежду прочим, я терпеть не могу, когда меня бросают.

Смотрела при этом в другую сторону, с пустым местом разговаривала.

– Элис, я...

– Больше так не делай, – перебила девушка, улыбаясь пустоте, – забаню. Что? А, понятно. Ладно, проехали. Идём, стоять холодно.

Она неспешно побрела дальше, беседуя с пустотой: «Нет, не испугалась и не обиделась. Ты же не знал. Откуда тебе знать. Почему не люблю? Понимаешь... Ладно, скажу. Был тут у меня один...»

«Понятно, – подумал Марк, поборов желание вмешаться в доверительную беседу. – Всё для удобства клиента. Эйч Ви наблюдала за нами и сделала выводы: лучше стерилизованный синтетический пикапер, чем угроза новой психотравмы. Выбрала меньшее зло, породила своего бота с моими данными».

Алисия рассмеялась, – надо полагать, синтетический пикапер шутил не хуже настоящего. Получивший отставку Марк не без сожаления следил, как растворяется в тисовых тенях и проявляется в полосках света её хромовая фигурка.

«Ничего от меня не останется, кроме следов на снегу, – думал он. – До моих психотравм никому нет дела. И отлично. Сам же придумывал, как от неё избавиться. Что теперь?»

Фу, мерзость горькая. Зато полезная. Новый отсчёт, минимум полтора часа есть у меня, а идти две минуты. До перекрёстка с Первой Дизайнерской. Сразу туда?»

Марк сошёл с тропы к тисовой стене и, отведя ветку, взглянул. Девятиэтажный дом на перекрёстке Восемь-с-Половиной и Первой Дизайнерской нисколько не изменился после переименования улиц; угол его напоминал корабельный нос – Первая Дизайнерская, бывшая Строителей изгибалась в обход верхушки холма, вот и пришлось строителям возвести дом углом к улице. Ни к чему считать этажи, освещённое Маришкино окно моментально в глаза бросилось. Дрожь пробрала Марка – до животиков. Замёрз, что ли? Вроде бы не с чего. Он выдохнул, облачко пара унесло ветром. «Не трясись, всё отлично. Дома обе, одного меня не хватает для полного комплекта. Бежать туда, рта не дать открыть Ирине, пять минут на сборы и... ходу, ходу! Как объяснить, что нет выбора? Вытащить обеих в ночь. Пешком до Белогорской. Там рыдван. Роскошь! Но выходит – нет. Что было целью, станет средством. Хорошо, что рыдван без регистрации. Р-раз, и мы втроём уже... Нет. Нельзя этого делать». Он отпустил ветку, вернулся на тропу. «Хорошо, что сразу не кинулся. А вдруг Элмэр взял на заметку и ждёт, что стану делать? Сунуть домой, сразу вычислит по адресу и тут же сцапает. Всех троих. Если меня одного, ещё можно лапши навешать, а если втроём на бегу накроет, не отвертимся. Мда-а, положеньице. Не нужно спешить, таблеток

на сутки хватит. Если Элмэр возбуждился, пусть успокоится. Подумаешь, невидаль: с девочкой не сошлись характерами. Может, у меня хобби – болтать с кем попало. Легкомыслие – милый грех... Выждать надо хотя бы полчаса, но только не тут. Если такой уж я по натуре общительный, самое время вернуться в общество».

Приняв такое решение, Марк выбрался из-за тисовой стены, прикинул, где лучше перейти на обжитую сторону Восемь-с-Половиной, осмотрел ряд унылых кирпичных коробок, прочёл: «Тату-фор-ту», – отметил, что вот ведь, сколько лет здесь прожил и ни разу в это заведение не заглядывал, зато сколько раз думал о том, что местечко подозрительное и публика туда шастает странная. People are strange when you are a stranger. «Это обо мне. В самый раз теперь такое местечко». Подумав так, Марк перешёл дорогу в неполюженном месте и направился к двери подозрительного заведения.

Глава 2

Снаружи тату-кафе напоминало самоанскую хижину фале, по чьей-то нелепой фантазии прилепленную к торцу пятиэтажной коробки из силикатного кирпича. Подсвеченные цианом бамбуковые буквы надписи «Tatoo-4-2» венчали навес из листьев пандануса – искусственных, конечно же, как и пальмовые стойки лестницы и пальмовые балки и пальмовые проступи и канаты, которыми всё это было связано. Витрина, что под навесом, справа от стеклянной двери, была заклеена наглухо пляжной фотографией двух голых спин, – мужской и женской, – с татуировками в виде физических карт обоих полушарий; на мужской спине поместились обе Америки, на женской – Европа, Африка и немного Азии. Все четыре седалищных полушария и две головы остались за кадром, арктическая и антарктическая зоны отсутствовали. Литосферный мужчина обнимал женщину; страшно было подумать о том, что случится, если это ему когда-нибудь надоест.

Марк, поднимаясь по лестнице, заглянул в полумрак второй, прозрачной витрины – слева от двери. Ничего рассмотреть не смог, кроме висящего в синем свечении телевизионного экрана, там крутилась эмблема Джи Эн Эм, глобал ньюс медиа. В отдалении рванула петарда, потом ещё. «Рановато в этом году бомбить начали, три дня до Нового Года. Офис-

ная братия Святую Пятницу празднует?» – подумал Марк, взявшись за бамбуковую ручку двери. Брякнул колокольчик, Марка окатило сухим жаром, треском цикад и цветочным запахом, будто и впрямь оказался в тропиках. Вместо новостной скороговорки его встретило мяуканье гавайской гитары и визгливый вопль: «Как это нет?! Ты харю мочил два месяца?!» «Харю-харю», – с издевкой ответил бархатный баритон.

«Скандалят, – подумал Марк, – Отлично, пусть бы не обратили внимания. На меня».

Зря надеялся.

– Вам чего? – нелюбезно осведомился баритон. – У нас только за наличные.

Гитарное брэнчание умолкло. Поверх стойки из дощатых ящичков с трафаретными надписями Марка разглядывал старик тяжелоатлетического сложения – в белоснежной гавайке с узором из бамбуковых листьев, с малиновой банданой на лысой голове – вылитый пират.

– Работаете? – спросил Марк, подойдя к стойке. Расстегнул куртку, вытащил бумажник, подумал: «С чего бы это он так? Мне-то на руку, нельзя ничем расплачиваться, кроме нала».

– Кокосы околачиваем, – мрачно ответил Пират, пристально разглядывая руки Марка.

В зале кто-то фыркнул, проговорил: «Чистый лист. Бывает же. Нашёл время». Марк, хотя и подозревал, что сказан-

ное к нему относится, решил пропустить мимо ушей.

– Бабосы вместо кокосов принимаете? – спросил он, выкладывая две бумажки на тарелку чёрного дерева, квадратную, с изображением лодок под веерными парусами.

– Джордж Всемогущий, – прокомментировал Пират. – И ещё один. Два жоржика. Расслабься, Воха, это не по твою душу.

– Да я уже понял, – проворчал в полутьме кто-то. – Жоржики по твоей части, предпочитаю душку Бенджамина. Большо-ого Бена.

– Очень даже принимаем, – почти любезно обратился к Марку Пират, – Мелочь, а приятно. По нашим-то временам. Что пить будете?

– Грог, – заказал Марк.

Воха снова фыркнул, негромко резюмировал:

– Хипстер. Так я и знал. Плесни ему мочегонного.

– Придержи язык, – посоветовал Пират, а Марку предложил:

– Может, всё-таки чистого? По мне, так это куда полезнее с холода.

Марк помотал головой. На левом запястье у Пирата заметил татуировку в виде разноцветной рыбки и букв «RW» и подумал: «Real World. Сектант. Понятно. Ничего, могло быть и хуже».

– Дело ваше, – вздохнул Пират, – мне без разницы. Со сдачей только что делать?

– Пока ничего. Дальше видно будет, – небрежно бросил Марк, забрался на высокий табурет лакированного тёмного дерева и получил наконец возможность оглядеть зал, что и сделал с нарочитым равнодушием. Никого, кроме Пирата и Вохи, не увидел. Помещение маленькое, обстановка скудная. Всего-то имелось три столика на четверых и один на двоих – узкий, возле окна – да плюс к тому ещё четыре табурета у стойки. На столике, что в углу, безобразная куча тряпья – навалом. В дальней стене открытая дверь, там зеркало и в нём отражение ширмы. Справа от двери, над стойкой беззвучно мерцал телевизор – глобал ньюс, толпа на городской площади какого-то города, море человеческих голов. Сообщение Марк прочесть не смог, начался рекламный блок. «Успеется. Воху теперь рассмотреть. Немолодой. Что у него с руками? А, понятно». То, что выглядело как рукава джемпера, оказалось татуировкой в виде змеиной чешуи. Кисти рук – змеиные головы, руки – туловища змей, два змеиных хвоста обвивали длинную шею, изгибались над ушами и через выбритую начисто голову к бровям свесили кончики. Змееподобный Воха был одет по-домашнему: майка, просторные белые штаны и шлёпанцы, Марка разглядывал едва ли не презрительно; при этом плавно поглаживал жидковолосую козлиную бороду неопределённого цвета.

– Смотри, смотри! – проговорил вдруг Пират.

«Это не мне, а Вохе. О телевизоре. Что показывают?» На экране городские развалины, над ними дымное облако.

Вспышка. Камера в сторону дёрнулась.

– Опять скажешь, брехня? – спросил Воха.

– Ничего не скажу, – буркнул Пират. – Может, это в прошлом году в... в азиатском секторе. Откуда я знаю, где снято?

– Город пятьдесят семь написано.

«Пятьдесят семь! – подумал Марк. – Это же... мы?»

– Мало ли. Написано. Если на лбу у тебя набить «мне всё известно», поменяется что-нибудь? Не верю.

– Ага, пока плита на башку не свалится...

– Болячку тебе на язык.

– Гляди, тетеря слепая! Опять скажешь, в азиатском секторе?!

На экране снова площадь, давка. Прожектор поверх голов. И теперь даже без титров понятно, откуда репортаж.

– Ваш грог, – сказал Пират.

Марк принял стакан, приложился крепко, но без вкуса. «Зря я здесь сижу. Если так далеко зашло дело, Элмэру сейчас не до меня. Пусть даже засёк».

– Твою мать! – выкрикнул Пират. – Они там передают друг друга! В бога душу эту нашу электронную мэрию!

– А я что тебе говорил? – язвил Воха. – В тридцатом году ещё. А всё из-за них! Из-за всех этих...

Он выбрался из-за стола и картинно раскланялся с Марком.

– Не начинай. Он тут причём?

– А кто? Ты?! Коктейлями поспособствовал?! Может быть, это я намутил татушками?! – Воха резко повернулся к Марку, спросил – Вот скажи, ты кто?!

«Только этого не хватало. В драку не полезет?» – подумал Марк, отхлебнул ещё грога и ответил как можно спокойнее.

– Человек.

Воха вытаращился на него, заморгал. Помолчав, сунул руки в карманы своих необъятных штанов и продолжил тоном ниже:

– Человек? Не факт. Это ещё доказать надо.

– Говорю, не начинай, – посоветовал ему Пират и, повернувшись к Марку:

– Не обращайтесь внимания. У него бзик, всюду нелюди мерещатся. Думает, всё это нелюди устроили. Думает, они с тридцатого года лезли в электронные мэрии, пролезли, и вот поэтому... заваруха.

– Какая заваруха?

– Вы с луны свалились?

– С Марса. Серьёзно, ребята, ну не в курсе я. Работой так завалило – не до новостей. Полгода света белого не видел.

– Вот! – провозгласил Воха, снова усаживаясь за стол. – А я тебе говорил, им всё до фени, всяким айтишникам, хипстерам недоделанным. Отца родного за бабло хакнут. Колись, бро, ты же айтишник?

– Вроде того, – признался Марк. – Но вы определитесь всё-таки: мы всё это устроили или нам всё это до фени.

– Одно другому не помеха.

«Самое печальное, что это правда, – покаянно думал Марк. – Значит, началось уже. Выудить бы из этих двоих... На это надежды мало. Толком ничего не знают. Паника. Те двое в метро, потом дорожник. Но эти не бегут. И Алисия. Почему? Откуда эти узнали, что фейк? А откуда сам я знаю, что всё это фейк? Довольно. Хватать Маришку с Ирккой, бежать...»

Он залпом допил грог.

– Э... – произнёс Воха, протянув в направлении Марка руку. – Ты если айтишник, знать должен. Правда, что нашу элмэрию хакнули?

«Свят, свят, свят. Тыфу на тебя. Одна надежда, что Ратинис это ещё не по зубам», – подумал Марк, поставил стакан и веско ответил:

– Враки. Кому и зачем это нужно? Вашим нелюдям? Кто они по-вашему?

– Откуда я знаю?! – огрызнулся Воха.

Марк краем глаза заметил в углу, где куча тряпья, шевеление, потом оттуда хорошо поставленным голосом провозгласили: «Расчеловечивание!»

– Заткнись! – рявкнул на кучу Воха. – Помалкивай в тряпочку!

– Не нравится? – съязвила куча и захихикала.

– Не обращайтесь внимания, – обратился к Марку Пират. – Нищий духом. Хоть святых выноси, когда они с Вохой сце-

пятся. Сказочники.

– Сказочники?! – возопил Воха. – А ты?! Ты сам на кой хрен обзавёлся детектором?!

– Сдуру, – смутился Пират. – Тебя, дурака, наслушался.

Обратившись к Марку, добавил:

– Ну, да беда невелика. Обошёлся недорого.

– Что за детектор? – из вежливости поинтересовался Марк.

– Да вот, – произнёс Пират, нырнул под стойку и тут же вынырнул, имея в руке штуковину, похожую на карманный фонарик. – Би-детектор. Эти (он мотнул головой в сторону Вохи) говорят, мол, помогает отличить человека от... Ну, вы поняли. От всякой нелюди.

– Измеритель черепов! – празднично выкрикнула куча тряпья.

– Ты! – взревел Воха. – Тебе хлебало заткнуть пяткой?!

Впрочем, с места не двинулся.

– И как это работает? – осведомился Марк, думая: «Ну что за чепуха! Трачу время. Ещё пару слов, и до свидания».

– Да вот, – пояснил Пират. – Наставишь, скажем, на него, жмёшь кнопочку.

– Далеко, не добьёт оттуда, – сказал Воха, глядя на жерло детектора. – На себе пробуй.

Детектор пискнул, ничего больше не случилось.

– Да я и так знаю, что ты за фрукт, – говорил Пират, направив детектор на свою могучую руку. Тот снова пискнул. Пи-

рат со словами: «И о себе мне всё известно. Как тут проверишь? Вот разве...» Он с ухмылкой направил прибор Марку на руку. Ухмылка медленно превратилась в оскал.

Марк проследил за его взглядом. Что за притча? Синее свечение вен, растительный рисунок. Марк отдернул руку, поднялся. Опрокинутый стакан покатился по стойке, хлопнулся на пол, разлетелся вдребезги.

– А? – глядя Марку в глаза растерянно произнёс Пират. И ещё раз, громче: – А?!

«Вот оно что. Умная хворь моя, – подумал Марк, отступая к двери. – И дурная кровь. Как им объяснить?»

Пират ни в каких объяснениях не нуждался, спрятался за стойкой, как за баррикадой.

– Куда это он? – спросил Воха. – Что такое?!

Пират вынырнул из-за стойки, вскинул руку. Физиономия озверелая. Ствол пистолета в его руке трясся. Воха вскочил, уронив стул. Марк нашарил дверную ручку, глаз не спуская с пляшущего ствола.

– А-а! – заорал Пират и спустил курок.

Вспышка, жестяной грохот. Сверху осколки посыпались. Марк распахнул дверь, вывалился наружу, хрустя подошвами по битому стеклу. Сообразил: «Промах. Над самой головой засадил, в дежурную лампу». Метнулись в сторону пальмовые стойки, ступеньки перед глазами запрыгали. Опомился Марк метрах в пятидесяти от выхода, благо что побежал в правильном направлении. Инстинкт. А если пальнёт

в спину? С пяти шагов не попал, но всё же.

Не сбавляя шага, Марк взял левее – ближе к стене, повернул за угол. Подумал на бегу: «Как зверя гонят в логово. И загонят. Вилять бессмысленно. Нет, не станет он гоняться. Со страху пальнул. Одумался? Вряд ли. Ненависть. Ненависть и страх рука об руку ходят». Он задержался на перекрёстке – перевести дух. Окна домов светились мирно, как ни в чём не бывало. Иркино тоже. И кухонное. Как будто ничего не случилось. В небе над соседней пятиэтажкой полыхнуло; перебегая дорогу, Марк услышал хлопок. «Фейерверками кто-то балуется? Пятница. Как попасть внутрь? Там замок. Отпечатки пальцев. Мои нельзя. Дверь выбить?» Не пришлось, кто-то опередил, входная дверь была распахнута настежь, висела на одной петле. В барабанные перепонки больно ударило воздухом, земля под ногами дрогнула. Нет, это не фейерверк, понял Марк. Лифта ждать не стал, мигом взлетел на седьмой этаж, загрохотал кулаками в дверь, крича: «Ира! Ир-ка! И-ир!» Подъездное эхо показалось ему странным. Всё было странно, как во сне. «Был такой сон, точно помню». Задержав дыхание, он прислушался. Тихо. Ни малейшего шевеления. «Открыть? Всё-таки нельзя давать Элмэру мои пальчики. Выбить дверь? Они там обе спят, что ли? Если выбью, Элмэр увидит взлом. Пусть». Дверь поддалась со второго удара. Свет горел везде, даже в кладовке, ни жены, ни дочери дома не было. Разгром в квартире страшный: шкафы внутренностями наружу, шмотки под ногами,

на кухонном полу посуда битая. И никого, пусто. Кошмарный сон. Но только в том сне не получилось попасть в квартиру. Во сне был тот человек...

«...он вошёл в лифт следом за мною. Не сразу. Сначала я был в кабине один – до клавиш не мог дотянуться, потому что не по моему росту сделаны – кабина огромна. Я почему-то знал, что даже если достану каким-то чудом до нужной клавиши, лифт всё равно не закроет дверей и с места не тронется, слишком я для него лёгок. Я не заметил, как этот человек вошёл, просто вдруг пол просел у меня под ногами и по правую руку от меня появились два огромных шнурованных ботинка и пятнистые штаны. Чтобы увидеть лицо, я задрал голову кверху, но так и не разглядел. Человек-башня. Мне стало страшно, я хотел выскочить из кабины – не послушались ноги. Человек-башня молча выбрал этаж. У меня подогнулись колени, когда кабина пошла вверх, а послехватило дух, когда она остановилась у моего этажа. Ему выше, подумал я и выскочил прочь, как только стали разъезжаться двери. Скорее домой! Дверь заперта, ключей нет, дома отец, помнил я. До пуговки звонка не допрыгнуть. Дверь, площадка, лестница – всё каким-то чудом выросло вдвое. Я с разбегу ударил дверь плечом, забарабанил по ней кулаками – без толку. Мягкая обивка съела звуки. Я оглянулся. С восьмого этажа неспешно спускался тот самый, с которым ехал в лифте. Вернуться? Не успею, кабина на восьмом. Вниз, по лестнице! Я кинулся было, но даже второго шага не сделал –

с шестого этажа поднимался второй пятнистый, тоже огромного роста. Я прижался спиной к двери, лягнул её – безнадежно, отец не услышит. Две пары ботинок увидел я штанины, вверх смотреть было страшно. Голос сверху спросил... Я не понял ни слова, но почему-то догадался, что эти двое пришли за отцом, не за мною. И в тот же миг до меня дошло: ни в коем случае нельзя открывать дверь! Я хотел крикнуть: папа, не открывай! – но дверь за моей спиной подалась. Я потерял опору, стал падать...»

Незачёт, детские комплексы, сказал Эм Ди, пока не изживёшь, толку не будет. По правилам ты должен полностью открыться Ратионис, ну и как ты это сделаешь, если сам себе не открылся? Мастер, но я же всё выложил как было, возразил Марк. Не всё, сказал Эм Ди, ты же не помнишь как было на самом деле, правда ведь? Если помнишь, давай прямо сейчас, тут же получишь допуск; давай: что было? когда было? чем кончилось? Ну? Не помнишь? Хорошо, времени тебе даю до следующего сеанса, иди, работай. И запомни: пока стыд в силах утащить настоящего тебя в прошлое, для будущего ты слаб.

– В гробу я видал такое будущее, – огрызнулся Марк. – Тьфу на него, некстати припомнилось. Идите к чёрту из памяти, мастер, у меня дела. Куда подевались Ирка и Маришка? Где теперь искать?

Глава 3

«Квартиру надо осмотреть внимательно. Что взяли, что оставили. Понятно будет, собирались вернуться или... Мерзко. В собственной квартире, как взломщик. Что сделает Элмэр, узнав о взломе? Пришлёт экипаж?»

Марк заскочил на кухню, в окно глянуть – оттуда двор как на ладони. Никого, пусто. «Паника, экипажи в центре. Может, и не дойдут у Элмэра – что у него там? – манипуляторы. Время у меня есть. Спокойно. Первым делом документы, деньги, карточки».

Он вернулся в иркину спальню, думая: «Кой чёрт – иркину?! Нашу. Что это я про неё так? Полгода, конечно, срок большой, но... Нет ни папки с доками, ни денег, ни карточек. Сам же Ирку когда-то наставлял, чтобы держала наготове, если что. И вот оно это „что“. Но что именно? Было ли у неё время на сборы? Ну-ка, что у нас в шкафу?»

Марк заглянул в распотрошённый шкаф, отметил, что иркина половина полупуста, а его собственная нетронута. «Рюкзаков нету. Время на сборы у Ирки было. А это что?» Между шкафом и стеной какая-то мебель в заводской упаковке, её раньше не было. Купила, но собрать не успела. «Дату на стикере глянь». Увидев стикер, Марк думать забыл про дату покупки. «Зачем Иришке понадобилась детская кровать? Только-только от старой избавились. Пардон. Толь-

ко-только? Три – или четыре? – да, четыре всё-таки месяца да ещё плюс полгода, это получается... Что может случиться за полгода? А за десять месяцев? Ведь ни слуху, ни духу, пока я там мариновался заживо, откуда мне знать, что тут... Всё-таки Ирка впопыхах собиралась, если в кухне по черепкам бегала. Может, не сама она? Кто-то другой... Мародёры? Дверь не была взломана. В Маришкину комнату!»

Беспорядок в детской – обычное дело. Постель разорена, одеяло комом, носок на подушке, второй на полу валяется. Игрушки где попало, даже на роге люстры вертолёт болтается – то ли случайно залетел, то ли так надо по сюжету приключения. Один только По на своём месте – на подоконнике, да и он вместо обычного занятия, наружного наблюдения, на дверь таращится. Из обновок в комнате – крошечный рабочий стол, заваленный маришкиным творчеством, а над ним к обоям скотчем криво прилеплена картина гуашью по ватману: в левом нижнем углу изображён красный огуречный человечек, встрёпанный, щетинистый, а в правом верхнем, очень похоже, – синяя птичья клетка с зелёной закорючкой внутри. Подпись: папа и птичка. Марк не удержался, погладил пальцем зелёную загогулину, затем, повернувшись, с досадою рявкнул на плюшевого По:

– Ты куда смотрел?! Где теперь искать?!

Старичок По ничего не ответил, тупо уставился на хозяйина пуговичными глазками.

– Лентяй. Медведь несчастный. За тридцать пять лет

мог бы и научиться чему-нибудь.

Марк шагнул к окну. От заката осталась фиолетовая полоска. Припудренный снегом квартал выглядел как брошенная после съёмок декорация. К правой лапе панды скотчем было примотано что-то знакомое, но совершенно неуместное в детской. Моток скотча валялся тут же, на подоконнике. «Кто-то спешил. Сначала папу с птичкой приклеил, потом усадил По и в лапу ему сунул эту штуку. Птичка в клетке...»

Додумать Марк не успел. Пол дрогнул, звякнула люстра. За окном родился и вырос клёкот, от которого задрезбуждали оконные стёкла; прожекторный луч махнул по стене соседнего дома, вспыхнул звездой, повернулся, таща за собой каплевидное тельце – хорошо знакомую птичку. Настолько же хорошо знакомую, насколько и невероятную здесь, на улице, а не в рабочем окне Ратионис и не в бредовом сне моделлера. Марк мигом оказался на кухне – хотел рассмотреть получше и убедиться, что флиппер ему мерещится.

Патрульный флиппер PF-121 завис между домами на уровне второго этажа, лучом повёл в сторону подъезда, стал снижаться, исчез в снежном облаке. Марк мог бы нарисовать его с закрытыми глазами и точно знал, что заставить его летать невозможно. Фантазия, выдумка, одна видимость! Клёкот двигателя оборвался. Когда ветер отнёс в сторону снежную пыль, Марк снова увидел плод своей фантазии – головастика с поджарой кормой, посаженного плотно на толстые баллоны баков, – теперь уже с открытой дверью каби-

ны. «А вот и пилот!» Одноглазый СуСор-33, с лёгкой руки остроумца Эм Ди прозванный циклопом, вылез из кабины и живо к подъезду направился. Сверху был похож на богомола; неудивительно, если учесть, что богомола и взяли для референса.

– Это за мной, – сообщил неизвестно кому Марк. – Найдёт меня здесь. И что сделает? Милая семейная сцена: творец и тварь. Ратионис знала, кого послать вдогон. Попался. Я, а не птичка. Один путь – в окно. Аварийный выход. Аварийный?!

Сказал это и тут же вспомнил, что за штука примотана к лапе панды. Бегом вернулся в детскую, оторвал от скотча пульт. Его тоже не могло быть, тем не менее оказался вполне реальным. Пульт аварийного эвакуатора – оранжевый, лёгкий, с единственной клавишей – удобно лёг в ладонь. «Из окна? Не годится. Не знаю, как работает. Не моё – Ричи моделил. А если вообще никак не работает? Шутка. Хороши шуточки! С крыши, может быть?»

Марк бросил через плечо: «Спасибо, старина!» – то ли к плюшевому медведю адресуясь, то ли к шутнику, пожелавшему остаться неизвестным, – засунул пульт в карман, выскочил из квартиры и бегом, через две ступеньки, стал подниматься по лестнице. «Восьмой этаж, девятый, дверь. Заперта?» Дверь технического этажа открылась легко, замка в ней не было.

Потолок чердака низок, повсюду трубы. Тусклая древняя

лампа в проволочной корзинке над дверью машинного отделения лифта светила едва-едва. «И на том спасибо. Без неё как искал бы выход?» Поднимая облачка пыли, Марк добежал до ржавого люка с засовом. На бегу слушал завывания ожившего лифтового механизма, думал о сообразительности циклопа и о том, как от него уворачиваться, если не работает эвакуатор или если на замке выход на крышу. На чердаке прятаться за колоннами? «Гиблое дело. Жмурки-ныкалки». Замок с перекушенной дужкой валялся в пыли, засов, хоть и не без труда, а получилось отодвинуть. Марк выбрался на крышу. Думал: «Всё проржавело, еле шевелится», – прикрывая за собой люк, чтобы не сразу ясно стало, куда беглец подевался. Глупо. Следы-то остались на пыльном полу. «Сглупил. Дождался бы, пока одноглазый дурак погрузится в лифт, спустился бы по лестнице... Ну да, а если он не один? Это тебе не квест и не казаки-разбойники».

На крыше снега оказалось по щиколотку. По лицу стегнуло холодной крупой – с козырька надстройки. Марк повернулся спиной к ветру, застегнул куртку, вытащил пульт. Разглядев под клавишей чеку фиксатора, выдернул. Нажал. Кроме писка, никакой реакции.

«А чего ты ждал? Думал, ангел к тебе спустится?»

Марк повертел в руках пластмассовый пульт, хотел было зашвырнуть бесполезную пустышку куда подальше с крыши, но сдержался, вернул в карман. Замысловато выругался в небо, подошёл к высокому, обшитому поверху кровельным

железом кирпичному бортику, перегнулся через него, глянул вниз. Флиппер никуда, разумеется, не делся, сверху напоминал экзотическую рыбку на дне каньона. Марку почудилось нытьё электродвигателей. Миг спустя он понял – не почудилось. Сзади. Отскочил от края, узрел... нет, не циклопа, а вьюжный вихрь. В центре этого атмосферного явления спускался с небес персональный шестимоторный ангел – аварийный эвакуатор. Марк видел его только в эскизах, решил тогда, что тот похож на детский батут с пропеллерами. Не ожидал, что таким большим в реале окажется.

– Хорош был бы я, если бы попробовал через окно вызвать. Интересно, кто мне подбросил пульт. Точно не Ирка.

Дождавшись пока останвятся пропеллеры, Марк перелез через раму внутрь круга – как выяснилось, не с той стороны. Бормотал, чтобы подбодрить самого себя:

– Ремней-то сколько! Перёд у него вот где. Рукояти, клавиша. Ничего лишнего

Он разобрался в упряжи, сунул ноги в петли, натащил на плечники, застегнул на груди замок, выкрикнул: «Зря я это делаю!» – ухватился за рукояти и нажал единственную клавишу.

Ангел взвыл, рванулся вверх. Марк, болтаясь на ремнях, как марионетка в руках неумелого кукловода, увидел плывущий вниз и в сторону квадрат крыши. Затем услышал отдалённое грозовое ворчание. Громыкнуло ближе, плотная воздушная волна толкнула в грудь. «Ветер? Как раскачивает ме-

ня, только бы не перевернуло. Умеет эта жуть с пропеллерами из штопора выскочить? Что там такое?!»

Над крышами вспучилась туча, озарилась жёлтым, померкла. Оттуда вынырнуло тёмное длинное тело – Марк открыл рот, чтобы крикнуть, на секунду показалось, прямо в него гвозданёт с разлёту, но... Промах, ниже. Удар! Мир потемнел, накренился и рухнул.

Выдержка

из интервью, взятого специальным корреспондентом HV-канала «Alter Nature EA» у доктора Ричарда Лира, ведущего специалиста НПО «Пситроника», активиста проекта «Ратионис»

корр. ...Судя по многочисленным вопросам, у наших подписчиков сложилось впечатление, что никто из специалистов, задействованных в проекте, не может объяснить, как это работает.

Ричард Лир. В целом правильное впечатление.

корр. Но ведь это ужасно!

Ричард Лир. Не стоит драматизировать. На мой взгляд, это логичное продолжение процесса, который мы с вами наблюдаем давно. Ваш оператор, к примеру, не отказывается пользоваться видеокамерой на том основании, что ничего не смыслит в квантовой физике. На самом деле он не сможет корректно и детально объяснить, как она работает, тем не менее пользуется ею профессионально, как инструментом. Многие ваши подписчики ничего не смыслят в электродинамике, но без зазрения совести эксплуатируют мик-

роволновые печи, а слабые знания в области физиологии или теории цвета не мешают им получать удовольствие от использования HyperVison. Что же вы находите в этом ужасного?

корр. Согласитесь, несколько непривычно отдавать на откуп искусственному интеллекту свободное творчество.

Ричард Лир. Не соглашусь. Я, как и вы, пользуюсь иногда метро, между тем с недавнего времени движением поездов управляет искусственный интеллект. Мы доверяем электронике органы управления пассажирских самолётов и городского транспорта, обычно нам в голову не приходит усомниться в правильности её действий, хотя в ней и нет ничего человеческого. Разве не искусственный интеллект вот уже несколько лет управляет электронными мэриями наших городов? Есть ли у вас претензии к Элмэру? Не станете же вы отрицать, что человечество только выиграло от дегуманизации вооружений? Вы, я думаю, помните, какие ужасы представлялись в связи с этим общественности и сколько было возражений. Разве можно было надеяться всего лишь два десятка лет назад на то, что именно дегуманизация вооружённых сил приведёт к полному и всеобщему разоружению, а повсеместное воцарение электронных мэрий сначала превратит национальные государства в фикцию, а после и вообще уничтожит? Обыватель нисколько не опасается верить искусственному интеллекту жизнь, но в искусство его пускать почему-то боится. Разве это разумно? Должен вам ска-

зять, что в алгоритмах, используемых при построении и обучении нашей сети много больше человеческого, чем в софте электронных мэрий; то, что мы делаем, больше напоминает мозговой штурм, чем классическую нейронную сеть, причём управляют штурмом живые люди, хоть и не всегда сознательно. Они генерируют идеи, помогают выполнить отбор, ставят задачу, ищут пути решения – как интуитивно, так и сознательно, – а наша электроника, если можно так выразиться, эффективно стреляет и подносит патроны.

Корр. Не кажется ли вам, что однажды она может выстрелить несвоевременно или не в ту сторону?

Ричард Лир (смеется). Спросите ещё, не боюсь ли я, что ей втемяшится заключить соглашение с какими-нибудь зелёными человечками с альфы Лиры и установить над нами ментальный контроль. Вы... как это говорится? Дуете на воду, хоть и не обожглись на молоке.

Глава 4

Я ждал удара, схватился за – тёплое? податливое что-то... – голову в плечи втянул, вжался спиной в – мягкое?.. Вместо дымного облака перед глазами пятно оранжевое парило в молочно-белом сиянии. Ни взрыва, ни удара, ни боли в переломанных костях. Не холодный ветер в лицо, а... лёгкое дуновение, можжевелевый дух. Молочно-белое – это потолок, я лежу на спине. Матовый полупрозрачный потолок с оранжевой подстветкой, как будто полдневное солнце сеется сквозь. Точечный светильник, три с половиной тысячи температура, яркость около пяти надо поставить, затухание квадратичное или даже... эй, хватит. Я в больнице? Был взрыв, попала в дом... что это было? ракета? Где я? Почему так тихо? Вообще ни звука. Глухо. Я оглох? В ушах пакость какая-то.

Вытащив из уха плотную турунду, я услышал шорохи, позвякивание – будто ветер пошевеливает лёгкие шторы, а кольца, на которых они повешены, надетые на тонкие трубы карниза, летом на даче позвякивают еле слышно. «Марек!» – позвала мама, и тут я вспомнил.

Был сон. Во сне я бежал из проекта – сломя голову, наобум, идиот, ничего как следует не подготовил! – да потому что выбора не было, надо было вытащить Ирку с Маришкой из костоломки, из кровавой каши, которую устроили до-

верчивым гражданам... кто? Приснится же такое. Метровагон, те двое, визионерка глупая, да и я не лучше, потом пират с пистолетом. Расчеловечивание. Нелюди? Бред. Погоди, Марек. Не бред. Записать, пока не забылось!

Я вскочил, отбросив... – мягкое и лёгкое всего лишь одеяло! – в сторону, вытащил из второго уха турунду, уронил обе, прищурился.

Бриз пошевеливал шторы, в просвете между ними терраса, можжевельные ветви, склон, кроны корявых сосен. Переступая босиком по ворсистому, как шкура белого медведя, ковру, я сделал два шага, взялся за штору – раздёрнуть пошире, откатить в сторону дверь, вдохнуть – и вспомнил теперь уже всё.

Не было ни можжевельника, ни сосен, ни сонного моря; видимость одна, *māyā*. Шторы, конечно же, настоящие. А можжевельный запах? Синтетика. Ратионис решила после такого сна нервы мне успокоить. И на том спасибо. Где я тут бросил регистрограммы?

Я огляделся, нашёл на тумбочке у кровати голубоватую стопку – сложенную гармошкой широкую ленту регистрограмм, развернул и стал отрывать лист за листом, по сгибам. Начхать на кривые, бумага нужна. Тем более, что всё равно мастер как пить дать приволочёт новые. И всё, и хватит. Более чем достаточно четырёх листов, надо вычленить главное.

Первое, что ты должен сделать после пробуждения, сказал Эм Ди, вычленить главное и сформулировать как можно точ-

нее, желательно одним предложением, иначе, если ты этого не сделаешь, сон твой опять размякнет в памяти, раскиснет, превратится в тёплую грязь. Любишь ли ты грязевые ванны, стажёр? Дерьмо такое. Надеюсь, он не сразу явится, успею разобраться. Куда я подевал ручку? Во сне я совершил побег. Бессмысленный, хотя бы потому что опоздал, куда-то делись Ирка с Маришкой, а почему я вообще решил, что обязательно их застану? Да и вообще, играть против системы глупо, обязательно останешься в полном одиночестве, один против всех – это если играть бессистемно; а если в твоих действиях будет система, не окажется ли в результате то, что ты полагаешь выигрышной стратегией, частью... Куда же всё-таки я засунул ручку? А, вот она.

Ручка упала, закатилась под тумбочку. Я поднял её, присел на край кровати, чтобы записать главное, что было в мерзком сне, где оказался один на один с родным городом, который расчеловечил меня, отнял жену и дочь, загнал в логово и там накрыл ракетным ударом, и пусть даже я каким-то чудом выжил... Поздно.

– Доброе утро, Шейдер, – поздоровался Эм Ди. – Вы, я вижу, опять за старое?

Не понимаю, почему утренняя ипостась мастера на сей раз показалась неприятной, выглядел как обычно: лысоват, остатки волос в идеальном порядке, подбородок до синего блеска выскоблен, в стёклах старомодных очков искры, а глаз не видно, меж век слепые щели. На врача похож в блед-

но-салатном своём комбинезоне. Шапочки только не хватало и фонендоскопа на шее, а с ними – ну точно был бы архетипичный палатный врач. Обход, температурка, анализы, как наши дела. Раздражает, потому что я опять не успел к разговору подготовиться. Только поэтому? Опять за старое – это он про записи. Святотатство: порвать регистрограммы и оскорбить священные кривые каракулями.

– По вашей же рекомендации, – ответил я, глядя на него снизу вверх. – Правила не запрещают вычленять главное в письменном виде. Доброе утро, мастер.

– Если утро доброе, почему же вы злитесь? С вашего позволения, – ехидно проговорил он, придвинул стул, подёрнул штанины с таким видом, будто собирался показать фокус, уселся, шлёпнул на тумбочку стопку свежих регистрограмм, оставил на меня застеклённые смотровые щёлки и спросил:

– Вычленили?

– Не успел.

– Я помешал, конечно же. Трудно выбрать главное?

– Трудно, – солгал я.

– Хотите знать почему?

– Нет.

– А придётся, – с удовольствием произнёс он.

– Вы уже смотрели расшифровку?

Удивительно, как он всё успевает. Удивительно и другое. Почему мне кажется, что этот разговор уже был? Слово

в слово. Сейчас он скажет, что расшифровки не видел, она ему не нужна, потому что...

– Нет, расшифровки я не видел и не собираюсь даже смотреть. Зачем картинки, после того как я увидел вот это? – он потянулся к тумбочке и крепко хлопнул по регистрограммам. Как насекомое докучливое припечатал.

– Так плохо?

– А вас, будто бы, это и не печалит. Не то чтобы совсем плохо, гораздо лучше, чем в прошлый раз, но расшифровки я всё равно смотреть не стану и зачёт вам не поставлю. Ваш сон моделлерский, некоторые стажёры после второй или третьей сессии лучше управляют действием. Посмотрите сюда.

Он не глядя подсунул мне регистрограмму. Самое начало, первая четверть судя по таймлайну. Да, мрачное зрелище. Дребезги.

– Видите, что с уровнями концентрации? Очевидно, что внимание поглощено мелочами. Это хорошо для моделлера, а мастера утомляет и отвлекает от действия. Причём ближе к финалу хуже и хуже. Такое впечатление, что вы по картинной галерее прохаживались, но ведь не было этого?

Язва старая, подумал я, тебя бы в такую галерею.

– Ладно, это полбеды, – продолжил Эм Ди, не дожидаясь ответа, – идём дальше. Сколько раз я говорил вам о максимальной отстранённости?

– Не помню.

– Что?!

– Не помню, сколько раз вы мне об этом говорили. По-моему я достаточно отстранился. Всё время действовал от третьего лица.

– Охотно верю, но по кривым вижу, что вы там были единны во всех трёх лицах, за троих пропускали через себя действие. Но и это ещё не самое для вас неприятное. Скажите, почему вы не кульминировали?

Да ладно тебе, не кульминировал, чуть с ума не сошёл.

– То есть как?! – сдержанно возмущился я, отобрал у него регистрограммы, пролистал ближе к финалу, нашёл на красной кривой пик и возразил:

– Ну вот же! Глобальный максимум, хорошо изолирован.

– Да. А после него что?

А и правда, подумал я, слушая заключение мастера:

– По кривой выходит, что это была всего лишь предкульминация.

– Ну-у, так наверное и было, – промямлил я, лихорадочно пытаюсь припомнить...

– Так было бы, последуй за нею кульминация. А вот не последовала, – ядовито молвил Эм Ди.

– Оборвался сон.

И подумалось мне, что надо бы глянуть расшифровку видеоряда и проверить по таймингу, поскольку есть в этом нечто... Почему мне теперь кажется: я стоял на развалинах, предо мною в глянцевой луже похожий на раздавленного богами циклоп, оружие рядом валялось. Я поднял... Нет.

Ничего этого не было.

– Оборвался сон, – повторил я, заметив, что Эм Ди внимательно наблюдает за моей реакцией. – Не моя вина, что не дали досмотреть.

– Ваша. Сработала защита. И это не впервые с вами. В который раз Ратионис не даёт вам свихнуться от собственных переживаний. Не понимаю, почему вас до сих пор не...

– ... разжаловали в моделлеры?

– Видимо, Ратионис...

– ... ко мне равнодушна?

– Полагаете, это смешно?

– Извините, мастер.

– Ума не приложу, что с вами делать. Незачёт. Не думайте, что это для красного словца. Я действительно не знаю, что делать. Вот с этим вот.

Он указал на регистрограммы, которыми я обмахивался, как веером. Я тоже не видел в сложившемся положении ничего смешного, поэтому бросил валять дурака и смиренно ответил:

– Я повожусь с кривыми, покручу тангенты. Может, если срезать пики и отжать воду...

– Смотрите, чтобы вместе с водой не выплеснуть... гм-м. Да, вот что ещё хотел вам сказать: когда тангенты крутить станете, обратите внимание на эту кривую.

– Это что? Лобные доли?

– Да. Слишком много внимания к диалогам. Интересно,

с кем вы так бурно общались?

– С женщиной.

– Не похоже. Или это была очень уж непривлекательная женщина. Ладно, хватит с вас. Займусь вашим приятелем. Трудитесь, Шейдер, а я пока оставлю вас в подвешенном состоянии, но не обольщайтесь, мне кажется, ничего путного из этого сна не выйдет.

Мне захотелось проводить мастера язвительной репликой, но когда я подыскал слова, обнаружил, что его уже нет в комнате. Я аккуратно сложил регистрограммы, оставил на тумбочке, поднялся, глянул на опустевший стул. Больше всего мне хотелось схватиться за спинку, размахнуться и с разбегу швырнуть его промеж занавесок. Я взялся за спинку и аккуратно вернул стул на место. Не знаю, что случилось бы. Понятия не имею, что там, за фальшивым окном. Возможно, стул пробил бы его насквозь, вывалился наружу и с высоты скольких-то этажей... Можно, кстати, прикинуть. Бассейн – нулевой уровень, станция гиперпайпа – первый, выше рестораны, спортзалы, павильоны и офисы Ратионис – шестнадцать этажей делового уровня, потом жилой уровень – ещё сколько-то. Двадцать четыре этажа на табло в лифтах, что выше – я не знаю. И есть ли там вообще что-нибудь, может, и нет ничего, подумал я, оставив стул в покое.

Прошлёпал босиком в санблок – никак не могу привыкнуть к тому, что нету шлёпанцев! – думал при этом: плевать, есть ли что-то выше, и вообще, для решения задачи о выпав-

шем из окна стуле достаточно знать, что личная моя конура находится на двенадцатом этаже спальника, и это значит, что стул с отпечатками задницы мастера летел бы двенадцать плюс шестнадцать плюс ещё один, если предположить, что «Гиперпайп» пустили по поверхности – а зачем бы его стали закапывать? – итого двадцать девять или – не будем мелочиться! – все тридцать этажей промелькнули бы, пока стул на землю не грохнулся. И пусть бы земля была пухом неповторимому отпечатку мастерской задницы, аминь.

Я слил воду, разделся, сунул пижаму в зев ютилайзера и залез под душ – после него отлично думается, если погорячее сделать. Времени до смены вагон с прицепом, можно неспешно обдумать сон и всё, что с ним связано. Для начала выкинуть из головы частное мнение дорогого Эм Ди о том, что ничего не получится, отрешиться от переживаний, взять расшифровку, наложить поверх кривые и пройти по таймлайну – кое-где усилить демпфирования...

– А, ч-чёрт! – я поспешно мазнул пальцем по термостолбику на табло. Так и свариться недолго.

Хоть сварись, а думать о демпфировании не хочется. Отвратительный осадок после разговора с мастером. Что-то он такое сказал... Незачёт чепуха, в первый раз, что ли. Нечто ещё было сказано важное. Сон моделлерский, уровни концентрации, единство в трёх лицах, не дали свихнуться – защита сработала, Ратионис равнодушна, это не смешно, смотрите, чтобы вместе с водой не выплеснуть... стоп. Он

чуть не проговорился, потом тут же переключил внимание на лобные доли. С кем я там так активно общался? Какая разница, с кем я общался во сне. Этот сон... Не от беседы с Эм Ди осадок, он только взбаламутил. От сна мерзкое послевкусие. Интересно, только со мной такое бывает? Поговорить бы с кем-нибудь. С Кимом? Эм Ди к нему напрямиком отправился. Уже они закончили. Застать бы Кима в комнате!

Я выскочил из душевой, кинулся к пневмопроводу, вскрыл капсулу со свежей одеждой, принялся комбинезон напяливать. Зелёную стажёрскую шкурку и обувь из какой-то дряни вспененной. Стань как все, парень, не выпендривайся, ишь куда нацелился – в мастера. Рановато тебе светлеть, незачёт по уровню, работай над собою, если не хочешь над моделями. Ах, как клёво, как зачётно быть моделлером, никто в душе не ковыряется, а даже если и ковыряется – тайно, не выносит козьявки на публику. Сиди себе, таскай туда-сюда вертексы, раз не способен на большее.

– Это мы ещё посмотрим, – сказал я собственному отражению в зеркале над раковиной.

Хоть что-то привычное в санблоке – раковина. Но что толку, если нет зубной щётки? Я наклонился, глубоко вдохнул, сунул в рот патрубков санатора, подождал, пока раздуется внутри упругий пузырь, пожевал вязкую дрянь и стал ждать, пока растает. Никакого удовольствия. Стричься не буду, так сойдёт. Борода нормально выглядит. И всё, и хватит прихорашиваться.

Я оставил санблок, к двери метнулся, подхватив на рыси регистрограммы, мимоходом попал пальцем в поросычье рыльце домашнего контроллера – не помешает прибраться в конуре, пока нет обитателя – и мигом оказался в коридоре. Благо, по соседству кимова комната. Когда заглянул туда, показалось – опоздал. Разговаривать придётся в ресторане, а это плохо, потому что не один на один. Но только я хотел закрыть дверь, как услышал из санблока жестяной грохот и трёхэтажное матерное ругательство. Ким всё ещё дома и не в настроении.

Я вошёл, неслышно прикрыл за собою дверь, радуясь, что нет в ней замка, как и вообще не принято без необходимости закрывать доступ к чему бы то ни было – для тех, кто в проекте. Осмотрев комнату, заметил на полу в углу бумажный ком – очевидно, Ким таким образом выразил своё отношение к рекомендациям мастера. Очень на него похоже. Не у меня одного, стало быть, незачёт.

Стукнула дверь.

– Чего тебе? – нелюбезно осведомился Ким.

Ручку двери санблока не выпустил, как будто собирался на секунду выглянуть и тут же вернуться. Рыжие волосы щёткой над залысинами, уши красны, глаза с недобрым прищуром. Непричёсан, но уже в облачении. Тут до меня дошло, что разговор-то весьма и весьма щекотливый намечается. И как его начать? Даст в морду и будет прав. Хорошо, если этим и ограничится. Вдруг что, попробую обратиться

в шутку, решил я. С шутки и начну.

Глава 5

– Доброе утро, Ким – сказал я.

Под мастера валял, но голос изобразить не получилось. Тогда я взял себе стул, мастерски поддёрнул штанины, уселся и добавил, потрясая своей регистрограммой:

– Вы, я вижу, опять за старое?

Ким зачем-то глянул в окно, потом на меня – зверем. Выпустил дверную ручку, ко мне направился. Видно было – дело серьёзное, угодили Алану Киму в чувствительное место.

– Э, Кимчик, ты шуток не понимаешь?

– Шуток?! – выцедил он. – Это тебе шутки?!

Навис надо мною, как экзекутор на допросе. Руки в кулаках. Похоже, зря я к нему. Или невовремя. Почему в окно тычет?

Ким сжатым кулаком с отставленным большим пальцем указывал через плечо на виртуальное заоконье. Пейзаж как пейзаж, тот же, что и у меня.

– Был у тебя мастер? – вкрадчиво осведомился Ким.

– Был. И отбыл.

– До меня или после?

– До. А что такое?

– Откуда тогда знаешь? Про старое, – спросил он, подцепив меня за воротник указательным пальцем.

– Ничего я не знаю! Втяни коготь, псих. Пошутить нель-

зя?! Эм Ди со мною каждый день так здоровается.

– Да? – Ким как-то сразу обмяк, отпустил воротник, выпрямился и снова глянул в окно.

Да что там у него? Почему всё время оглядывается?

– Значит, ты так-таки ничего и не знаешь? Про тот случай.

– Ну хватит, Алан. Вообще не понимаю, о чём ты. Тебе пейзаж не нравится? Разлитие желчи на почве профессиональной деформации?

Алан наш Ким, хоть и похож на барного вышибалу, в до-проектной жизни был специалистом по окружению. Энвайронмент артист, так это, кажется, раньше называлось. Вечно ему Эм Ди на групповых сессиях выговаривал за эстетство и бессодержательность. Его сны статичны и созерцательны. Я смотрел парочку расшифровок, мне понравилось. А мастер говорит, трэш и пустопорожнее любование.

– Деформация, говоришь? – с обречённым видом разглядывая сосны и можжевельник, молвил Ким.

– Мгм. Мне, например, этот пейзаж нравится. У меня сегодня такой же. В комнате.

– Да? – оживился Ким. – Мой арт. И как впечатления? Что сделать захотелось, когда увидел? Первая реакция.

– Сначала на меня снизошло умиротворение, которое в ходе визита мастера перешло в новую фазу, и я чуть было не запустил в окно стулом.

– Не советую, – помрачнев, буркнул Ким.

– Почему?

– Без толку, я пробовал.

– Серьёзно? Стул в окно швырнул? Герой. И чем кончилось?

– Финансовыми потерями. Пять монет за разбитый экран и всеобщая ржачка на групповухе. Эм Ди учинил осмеяние. Усвоил, стажёр?

– Усвоил. Пять монет за экран. Недёшево. А за стул?

– Что ему сделается, – уныло проговорил Ким. Видно было, о другом думает.

– Он наружу не вывалился?

– Куда? Там глухая стенка. Тебе что, наши не рассказывали? Достали меня подколками. А, ну да. Тебя тут ещё не было. Слушай, Шейдер, ты же новенький. Может, хоть ты помнишь?

– О чём?

Я затаил дыхание. Кажется, не нужно подталкивать. Всё-таки чему-то я научился у мастера. Сейчас Ким спросит...

– О том, что с тобой было. До того как попал в проект.

– То есть как, что было? Конечно, помню. И ты помнишь. Сам рассказывал, что был художником по окружению, но потерял работу и...

– Нет. Я не спрашиваю, кем ты работал. Знаю, что кодером.

– Не кодером, алгоритмистом. Сколько раз говорить!

– Одна фигня. Я спрашиваю: что с тобой было? Что ты помнишь о жизни? Ну, чего вылупился?

– За такие вопросы, знаешь...

– Знаю. Можешь дать в морду, но сначала ответ: согласишься или нет?

– Да. Сегодня как раз снилось.

– Везёт, – вздохнул Ким, прошёлся бесцельно по такому же, как у меня, шкурному ковру, и вполголоса продолжил:

– А мне вот сегодня снилось... Нет, не хочу об этом.

– Начал, так выкладывай. Мало ли что тебе Эм Ди навешал. Ну, оставил без зачёта, и ладно. Что приснилось?

– Что не было у меня ничего до проекта. Вообще ничего. Вся прошлая жизнь – видимость, сон Ратионис. И теперь мне кажется, что это правда. Пробовал восстановить в памяти и... не смог даже посчитать, долго ли я в проекте. А ты можешь?

Что-что, а это я о себе помню точно. Полгода моделлером, потом это мне надоело и я в мастера подался. Месяц стажировки – или уже больше? – надо проверить по выплатам, они у нас день в день, железно, раз в неделю.

– Да, могу, – ответил я.

Ким снова вздохнул, тряхнул головой, будто муха ему докучала, и бодренько так:

– А зачёт... С чего ты взял, что я опять в пролёте? Я сдал. Учись, зелень! Сон пошёл в производство.

– Поздравляю. Сон в производство, а тебя, значит, тоже. Произведут в мастера. Какого тогда ты так непочтительно

с регистрограммами?

– А такого! – заорал Ким, зыркнув на бумажный ком в углу, осёкся, и прежним унылым тоном продолжил:

– Тошно стало, когда попробовал вспомнить. Самому захотелось в окошко выброситься, да вот незадача, нету окошка.

Он коротко глянул на меня – с ехидцей, как мне показалось, и спросил:

– Как ты думаешь, что там, за бортом.

– За каким ещё бортом? За стеной этой нашей башни? То же, что и было раньше, воздух. Город пятьдесят семь, европейский сектор.

– Нету там ничего, стажёр, ни воздуха, ни города, ни сектора. Представь себе, что все мы запечатаны в огромную консервную банку. Если бы ты смог башкой своей умной проклевывать в стенке дырочку, выглянул бы наружу и увидел...

Он замолчал, поджал губы.

– Что увидел?

– Ничего. Шучу я. Ты пошутил, я тоже. Квиты. Хватит на сегодня, и так я наговорил на строгач со списанием.

– Комнаты не прослушиваются.

Ким кивал, глядел на меня с жалостью, бормотал: «Зелень, что с тебя взять». Ну и ладно, раз такое дело, хватит.

– Хочешь строгач, будет тебе. – сказал я. – Настучи на себя мастеру. И я тебе ещё по морде должен.

– Только попробуй. Идём-ка лучше жрать.

Лифт мы ждали молча. Не знаю, о чём думал Ким, а я безуспешно пытался настроиться на рабочий лад, сон обдумать, но вместо отрешённости и редакторского скепсиса лезли эмоции. Ничего нет: ни воздуха, ни города, ни сектора. А как же Ирка с Маришкой? Дурацкие у Кима шуточки. Я глянул на него искоса – нет, не до шуток ему, видно же. Да и не был никогда шутником, всё всерьёз, даже слишком. И чужих шуток не понимает. Вечно мастер над ним подтрунивал на групповухах, а он в ответ бычился. Эм Ди шутник тот ещё, жаль только шутки у него иногда не для средних умов. Кима почему-то обзывал ирландцем. О'Хара, говорит, много я от вас и не ждал. Всем известно, говорит, некоторые вещи неразлучны: картофель и лук, всадник и его голова, ирландцы и беспорядки. Что тут смешного? О'Хара какой-то... Киму, кажется, тоже невдомёк.

– Воздухан заклинило на двенадцатом, – услышал я вдруг.

Оказывается, дождались мы капсулы и уже успели в неё погрузиться. Два тёмно-зелёных техника болтали о своём, о низменном.

– На каком двенадцатом? В спальнике? – спросил тотший техник, какой-то даже измождённый. Никогда раньше не приходилось видеть в проекте такого задохлика. Новобранец?

– Не, – ответил другой. – В обезьяннике на двенадцатом. Эй, сони садовые! В метро родились?

Это нам? Я воззрился на него – толстячка с яблочными

щёчками – в недоумении. Тоже шутник. Сони – это про нас. Почему в метро? А! Двери же надо закрыть.

Я тронул на табло квадрат со стрелками, двери чмокнули у меня за спиной, пол ушёл из-под ног. К пневмолифту невозможно привыкнуть, жуткое изобретение. Кто его выдумал?

– В спальнике сразу бы заметили, – говорил яблочный толстячок, – обезьянник всем до лампочки. Вдруг так и задумано? Вдруг дура силиконовая постановила соням жирок трясти в субтропическом климате?

– Зарешал?

– Угу.

– Что было?

– Перепускной клапан регенератора. Я тому дегенерату, который его выдумал, инсталлировал бы эту байду прямоком в выхлопное отверстие.

– У неё нету.

– Почему у неё? А, ты про умницу силиконовую. С неё взятки гладки. Все вопросы к этим.

Он глянул на меня, спросил:

– Я извиняюсь, не вам случайно приснился перепускной клапан регенератора?

Похоже, ответа не требовалось.

У меня подогнулись колени, в капсулу хлынула разногосица.

– Приехали, – сказал яблочный техник. – На выход, сони

садовые! Кормушки ждут.

Я потащил Кима за рукав, вывел из капсулы. Что он как неживой? Честно говоря, и мне было не по себе. Болтовня техников непостижимым образом связалась с моим сном и с тем, что услышал от Алана. По мнению толстячка перепускной клапан – плод чьего-то сна, гниловатый притом, но какой приснился, такой приснился.

Техники обогнали нас; слышно было, как толстый спросил у тощего: «Фил, а что там сегодня снаружи? Ты смотрел? Какова температура забортных испарений?» – ответа я не разобрал, они смешались с пёстрой толпой в ресторанном расширителе. Сколько раз я зарекался попадать сюда в час пик! Нет бы выждать десять минут. Никакого выигрыша времени, что толку – спуститься раньше, если те же десять минут торчать в очереди к автомату-раздатчику. Кормушки ждут нас? Подождут, спешить некуда.

Время всесильно, благодаря ему движется даже очередь у раздаточного автомата. Дорвавшись до него, я искательно заглянул в лягушачий глазок камеры, был мигмом опознан, получил на экран приветствие, а в лоток – яично-жёлтую коробку с персональной жратвой. Меню ресторана неисчерпаемо, одна Ратионис знает, из каких соображений и кто выбирает для меня завтраки, обеды и ужины. Каждый день что-нибудь новенькое, не было случая, чтобы мне это не понравилось. Возможно, силиконовая умница высасывает запросы из подсознания, совершенно точно известно, что ориен-

тируется и по отзывам. Я вытащил коробку из лотка, прочёл на пористой крышке «Mark Shader» отошёл в сторону и огляделся в поисках свободного столика для нас двоих с Аланом. Не люблю подсаживаться к кому попало, пускай уж лучше кто-нибудь к нам.

– Марк! – меня кто-то окликнул. – Хватай Алана, дуйте сюда оба.

Ричи Лир. Не худшая компания. Разговорчив, но если вы спросите меня, кто лучше – тот, кто много говорит сам, или кто ждёт того же от вас, я выберу первого. Ричарду Лиру можно не отвечать, когда он спрашивает, его можно слушать, а можно игнорировать – он не обидится. Его трескотня даже приятна – не из-за особой содержательности, а просто акцент симпатичный, когда говорит по-русски, что он всегда и делает. Ричи идейный мигрант, фанат проекта. Променял ради него Южный Уэльс на наши палестины. В общем, он обаятельный, хоть и не без странностей. Единственный из моих знакомых, кому подходит выбранный в проекте ник, может, поэтому мне и хотелось бы знать его настоящую фамилию, но спрашивать о прошлой жизни не принято, запросто можно схлопотать по физиономии. Впрочем, как раз о Ричарде мне известно больше, чем о ком-либо другом; причиной тому в равной мере его разговорчивость и то, что свободное время тратит на лекции по истории киноискусства для невежественных технарей вроде меня. Не без пользы, подумал я, выбирая себе место за столиком, сегодняшний сон тому

подтверждение: Хэмфри Богарт, хризалиды, Марчелло, ещё что-то, – а, ну да! – названия улиц и... о! вот что надо бы – про эвакуатор выспросить. И я сел против Ричарда, чтобы фиксировать реакцию на реплики. Алану, похоже, всё равно не до беседы – собою занят и завтраком. Кстати, о жратве. Что у меня?

Я вскрыл коробку, обнаружил там два судка, термопоилку и традиционный набор инструментов для препарирования. В первом картонном судке оказалась горячо любимая мною овсянка – мелкозернистая, с лужицей маслица, в которой плавали розовые соломинки ветчины, на этикетке второго судка были заявлены какие-то яйца «Бенедикт» – пусть меня на UV порежут, если знаю, что они такое.

– Полова, – высказался Алан.

Не про яйца «Бенедикт», разумеется, а про то, что ему подали.

– Не с той ноги встал? – поинтересовался Ричи.

– Скорее, не с той руки лёг, – ответил я за Алана.

– Что-то я не совсем понимаю.

Занятно наблюдать за бедолагой Ричардом, когда тот пытается вникнуть в суть неизвестной поговорки. До самой макушки набит русскими пословицами и поговорками, поэтому иногда несёт лютую банальщину.

– Шучу, расслабься, – успокоил я и с удовольствием принялся за овсянку. Жуя пояснил:

– Просто Ким видел сон.

– Но это же естественно? – удивился Ричи.

– Естественно. Теперь опасается, как бы не оказалось, что сон в руку.

– Типун тебе на язык! – злобно рявкнул Ким.

– О! Это я понимаю, – обрадовался Ричард. – Типун на язык, значит, ты не хочешь сделать сказку былью. Сон в руку... Боишься реализации?

Ричард с едой покончил, за поилку взялся. Самое время.

– Кстати, о реализации, – начал я, подцепив на вилку с кашей ветчинную соломку. – Хотел поблагодарить тебя за чудесное спасение.

– Меня? – изумился Ричи

– Меня, – поправил я. – Спасибо за спасение меня из-под обстрела.

– Как это понимать, из-под обстрела?

– Да так и понимать. Сегодня в меня пальнули во сне ракетой и попали бы, если б не твой эвакуатор.

– Какой эвакуатор?

– Замечательный. Аварийный. Шестимоторный. Брось, Ричи, не стесняйся авторства и похвалы не чурайся, я же видел у тебя эскиз.

– А! Совсем забыл. Так ведь я его сдал. Это было давно и...

– И неправда, – буркнул Ким.

– Почему неправда?! – обиделся Ричи.

– Не обращай внимания, – сказал я. – Он для красно-

го словца не пожалеет никого. Поговорка такая: это было давно и неправда. Парадокс, понимаешь? Как у душки Оскара, хоть и не так изящно. Я знаю, что правда, сам видел эскиз у тебя в рабочем поле, а сегодня кто-то подбросил в сон мне...

– В сон мне жёлтые огни, – перебил Ким, – цыганочка с выходом.

– Помолчи. Так вот, кто-то подбросил в мой сон очень своевременно эвакуатор, иначе мне бы туго пришлось. Чистая правда, и что эвакуатор хорош и что было это недавно.

– Почему недавно? – снова оскорбился Ричи – Я сдал его полгода назад. Это был моделлерский минимум, а я уже полгода как...

– Мастер! – провозгласил Алан, вонзив вилку в неподатливое нечто.

– Да помолчи же! То есть как полгода? Я ведь на днях... – мямлил я. Дошло наконец, что никак не мог видеть на моделлерском стапеле Ричарда аварийный эвакуатор, поскольку Ричард не моделлер и никогда им не был. Сразу махнул в мастера. Я в замешательстве глянул на лацкан светло-салатного его одеяния, подумал, что Лир, не будучи мастером, никак не мог бы читать лекции. Нестыковка. Вот это да! Что с памятью моей? Если после того как я видел эскиз, прошло полгода, значит, сам я провёл в проекте год? Если принять во внимание, что поступил почти одновременно с Ричардом, получается... Чушь. Я стажируюсь около месяца. Куда дева-

лись ещё пять?! Это всё Ким с его дурацкими шутками. Ничего нет, ни воздуха, ни города. Цыганочка с выходом. Куда выходить, если некуда? Мой дом, Иришка с Маришкой. В сон мне жёлтые огни, и хриплю во сне я. Повремени, повре...

Я тряхнул головой. Чтобы отвлечься, взялся за второй судок. Яйца, говорите, бенедикт. Пятьдесят рецептов приготовления куриных яиц, чтобы внести разнообразие в трудовые будни. Яйца пашот, например. Их мне тут подавали, помню-помню. Помню также, что оценил высоко. Но когда это было? Труд... О! Выебудни.

В судке обнаружались слегка поджаренные хлебцы с травкой, а поверх – нечто похожее на те самые, высоко оценённые яйца пашот. Отлично. Две штуки. Всё-таки приятно, когда желания исполняются без усилий с твоей стороны. Виноват, почему же без усилий? Я самоотверженно, не жалея себя, проспал пять месяцев и получил в награду это вот. Жёлтые огни. Яйца какой-то матери дикт. О чём Ричард соловьём разливается?

Ричи оседлал любимого конька, про какой-то древний фильм рассказывал.

– ... он просыпается и первым делом смотрит на календарь. Там снова второе февраля.

– Петля времени? – без особого интереса спросил Ким. – Дешёвые приёмчики.

– Дело не в приёмчиках, а в ощущении – как это называ-

ется, когда нет выхода?

– Тупик, – предложил я.

– Безысходность, – предложил Ким.

– Вот именно, – неизвестно с кем из нас согласился Ричард и опять понёс про сурка по имени Фил и какую-то женщину. Под такой аккомпанемент я живо расправился с бенедиктовыми яйцами – на отлично зашли, ничего не скажешь, – и взялся за поилку. Кофе. Чёрный, без излишеств.

– Так твой эвакуатор, значит, пошёл в производство, – сказал вдруг Алан, целясь ложечкой в Ричарда.

Перебил словоизвержение. Дешёвые приёмчики по его собственному выражению, но иногда и они работают. У Ричи глаза навывкат, губы трубочкой. С полминуты, молчал, потом ответил:

– Ну да.

– А что это вообще означает? Вот я сегодня получил зачёт, сон пошёл в производство. И что?

– Извини, но ты задаёшь странные вопросы. Тебе зачли сон? Поздравляю.

– Не с чем. И всё-таки, что с моим сном?

– Ну как что? Ты с моделлерами проработал детали, Ратионис включит сон в программу, и тогда можно будет им пользоваться – тому, кому Ратионис откроет доступ.

– И всё?

– А чего тебе ещё? Ты про деньги?

– Нет. Ну вот, к примеру, твой этот, как его Марк на-

зывает? Аварийный шестимоторный эвакуатор. Живьём его можно сделать? Из мяса и костей. То есть, я хочу сказать, изготовить материально.

– Зачем?

Они некоторое время смотрели друг на друга, я ждал, кто первый не выдержит.

– Я понял, – сказал в конце концов Ричи, – ты хочешь, чтобы твой сон реализовали в жизни?

– Не дай бог!

– Значит, не хочешь. Тогда можешь быть спокоен.

Тут уж я не выдержал, вмешался:

– А что если мой сон всё-таки правда?

– В каком смысле?

– В прямом. Вдруг кто-то всё-таки сделал твой эвакуатор, и вдруг я действительно когда-то попал под обстрел и...

– По-моему, это невозможно. Зелен виноград, – Отрезал Ричард. Иногда его сложно понять, поскольку сам он не всегда правильно понимает настоящий смысл поговорок.

– Не сёрбай, – попросил меня Ким.

Тут я заметил, что в поилке закончился кофе, собрал мусор в коробку, накрыл крышкой и перевернул, чтобы расставить лайки. Удивительно, сколько всякой всячины в проекте, о которой я слыхом раньше не слыхивал. Новинка на новинке. Где это видано, чтобы лайки на обыкновенной бумаге можно было ставить указательным пальцем? Или это не совсем бумага? Три блюда, три касания, три зелёных птички –

секундное дело, но, по-видимому, я задумался, потому что когда оставил коробку на столике, Ким и Ричард уже поднялись и стояли друг против друга, как перед спаррингом.

– Take it easy, – сказал Ричард, похлопал Кима по плечу и направился к выходу.

– Не бери в голову, – перевёл я. – Понял, стажёр?

– Сам ты стажёр, – огрызнулся Алан. – Я уже с зачётом. Посуду кто убирать будет?

Я приложил руку к изображению пятерни на столешнице. Стол осел по центру до самого пола, свернулся, как зев плотоядного цветка, с урчанием сглотнул объедки с лайками – раз-и-два-и-три – и вот уже на месте использованной столешницы новая, девственно чистая плёнка. Интересно, что случилось бы с идиотом, который вздумал бы предложить столу вместо одноразовой посуды самого себя. Ещё одно жуткое чьё-то изобретение.

– Так будет со всяким, кто усомнится в божественной правоте Ратионис, – сказал я Алану.

– Да не сомневаюсь я, – неприятным голосом ответил он. – Нажрался? Иди теперь отработывай. Пора в забой.

Шуток не понимает, но в этом прав: рабочая смена мастера снов – время забойное, даже если он пока не мастер, а всего лишь стажёр.

Глава 6

Перед тем как войти, я не без удовольствия прочёл на двери надпись медью по чёрному дереву: «мастерская Марка Шейдера». Глупо, конечно, и всё же приятно знать, что не я один буду со сновидением возиться. Пусть я стажёр, пусть сон не зачи, пусть Алекс и Дэн так себе моделлеры, и всё-таки мастер для них я, а не Эм Ди или Ричард Лир.

Я толкнул дверь, вошёл, убедился, что ни Дэна, ни Алекса ещё нет на месте. Никогда не торопятся. Их, а не меня следовало назвать садовыми сонями, но только их сны не имеют художественной ценности.

– Зато их не высмеивают на групповухах, – сказал я в пустоту, убедившись, что рабочие места моделлеров можно пока считать вакантными.

Полумрак в комнате. Процеженный сквозь горизонтальные жалюзи утренний свет превратил пол в некое подобие этикетки с баркодом. Нуарный интерьер – как его Ричи описывает; не хватает только вентилятора на потолке и тростниковых кресел. Или тростниковые кресла из другой оперы? Свет включать я не стал и жалюзи не открыл, не хотелось портить впечатление виртуальным пейзажем. Хорошо, что никого нет, самое время выяснить...

– Мастер Марк? – услышал я.

Кто-то был в комнате, из угла мурлыкнул. Голос показался

знакомым. Что я тут сболтнул? Следить за собой надо бы. Я обернулся.

– Здравствуйте, мастер, – сказала девушка.

– Доброе утро, э-э...

– Сима, – представилась она. Подошла с протянутой рукой. Высоковато для рукопожатия, а ручки целовать в проекте не принято. Всё-таки я исхитрился пожать руку – вышло неловко. Пальцы дрожат, холодные, тонкие. Полосы света по лицу её скользнули, и я припомнил, где виделись. Или кажется? Комбинезон уродует фигуру, в прошлый раз она была затянута в эластик. И звали её иначе. Впрочем, имя в проекте ничего не значит. Даже меньше, чем ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.